

УДК 327.5**Эволюция подходов к ядерному сдерживанию в мировом политическом процессе****Дорохин Александр Сергеевич**

Аспирант,

Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: kafrpu@vtn.raiper.ru

Слинько Александр Анатольевич

Доктор политических наук, профессор,

заведующий кафедрой политологии и политического управления,
Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: kafrpu@vtn.raiper.ru

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к ограничению вооружений и ядерному сдерживанию в мировом политическом процессе в XX – начале XXI в. Автор анализирует роль классического либерализма и марксизма в ограничении вооружений и введении правил ведения войны, также касается кризиса классического либерализма и расцвета реалистической парадигмы применительно к проблеме ядерного сдерживания. Автор приходит к выводу, что в начале XXI в. в России наиболее востребованными оказались неомарксистские подходы к проблеме ядерного сдерживания, а в США – постмарксистские.

Для цитирования в научных исследованиях

Дорохин А.С., Слинько А.А. Эволюция подходов к ядерному сдерживанию в мировом политическом процессе // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 12А. С. 103-110.

Ключевые слова

Мировой политический процесс, ядерное сдерживание, ограничение вооружений, классический либерализм, реализм, марксизм.

Введение

Идея международных договоров о законах и обычаях войны была вызвана кризисом Венской системы. В результате кризиса появились возможности создания документально зафиксированного миропорядка, принятого при информированном согласии всех участников. С конца XIX века и до Второй мировой войны данная идея подпитывалась классическим либерализмом.

После Второй мировой войны диалог о контроле над вооружениями стал диалогом о выстраивании прагматичных, понятных, а со временем – возможно более стабильных и возможно более дешевых правил игры между объективно конфликтующими системами. В дальнейшем, когда в мировом политическом процессе наступил период однополярного, американоцентричного миропорядка, возникает постмодернистский подход. Идеи разоружения в этот период стремительно депрактицировались и деидеологизировались. Затем, в период нарождающейся многополярности, более востребованными в России оказались неомарксистские подходы, тогда как в США – постмарксистские.

Подходы к контролю над вооружениями в русле либерального дискурса

Постановка вопроса о контроле над вооружениями стала возможной в рамках классического либерализма, сформировавшегося как теоретический подход к международным отношениям в начале XX в. Прагматическое понимание мира, идущее от И. Канта, полагавшего, что в природе человека естественным образом заложены стремление жить и стремление к свободе и процветанию [Кант, 2008], привлекло ученых-юристов, среди которых нужно выделить классика международного права конца XIX в. Ф.Ф. Мартенса, определившего идейное содержание Гаагских договоренностей 1899 г., первого широкомасштабного международного мероприятия в области разоружения, построенного на сотрудничестве, совещании и кодификации норм. Интересно заметить, что работа уже опытного юриста-конституционалиста Ф.Ф. Мартенса вдохновляется теми же идеями, что и работы дебютировавшего в академической печати через пять лет В. Вильсона, доведшего до логического завершения либерально-правовую мысль, выраженную в гаагских документах.

Необходимо отметить, что в своих ранних статьях [Heckscher, 1956] В. Вильсон последовательно отстаивал кантианское понимание политического либерализма, не отрицавшего значения силы и интереса в международных отношениях. Но В. Вильсон полагал, что мир может быть управляем средствами международного договора и экономической взаимозависимости. Проблема в том, что международная система, расколотая между изолированными, автаркичными колониальными империями, не позволяла в полной мере реализовать взаимопроникающее сотрудничество. Став же президентом США, В. Вильсон занялся выработкой документов, которые должны были закрепить новый облик мира. Документы декларировали не выражение намерения, но требование документальных гарантий, достигнутых «справедливо» и посредством всеобщего соглашения [President Woodrow Wilson's 14 points, www]. В таком русле прошла Вашингтонская конференция 1921–1922 гг.

В России, ставшей высшей точкой выражения марксистских подходов, идеалы разоружения не пользовались популярностью еще долгое время. В.И. Ленин писал на эту тему: «Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно,

осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата» [Ленин, 1957]. Советский Союз, в отличие от Российской Империи, сразу же взял более радикальный курс, апеллируя к установкам классического академического марксизма, значительно более утопичным, нежели вильсоновские. Так, народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов предложил проект полного упразднения европейских постоянных армий [Заявление председателя советской делегации М.М. Литвинова..., [www](#)], что вызвало сдержанную реакцию представителей иных государств [Луначарский, 1927].

Собственно, уже тогда во взаимодействии советской дипломатии и дипломатии государств, ранее входивших в Антанту, классическая вильсоновская модель доказала свою неэффективность. Принимая на словах кантианское-вильсоновское понимание Лиги Наций, имеющей устав, выдержанный в духе Гаагских соглашений, ни та, ни другая сторона не стремились следовать этим идеалам на практике. Там, где Лига Наций пыталась предпочесть конфронтации совещательные способы урегулирования, обострение неминуемо происходило позже. В менее срочных случаях – например, с комиссиями по разоружению в Женеве – недостаток заинтересованности участников парализовал работу органа. Кризис Лиги Наций оказался связан с кризисом идеалистического миропонимания в целом, что привело к переходу инициативы в дискуссиях от классических либералов к классическим реалистам.

В 1939 г. проявился отход американской научной и политической элиты от вильсоновского идеализма [Carr, [www](#)]. Г. Моргентау писал, что не наличие оружия порождает войну, напротив, потребность в том, чтобы воевать, заставляет людей создавать вооружения [Morgentau, 1961]. Он же охарактеризовал огромную разрушительную силу ядерного оружия [Nobel, 1995]. Во-первых, стремление использовать военную силу у ядерных государств наталкивается на парализующее опасение возможных последствий. Во-вторых, попытки выработать стратегию ограниченной ядерной войны изначально безрезультатны, поскольку применение ядерного оружия несет слишком большие и неопределенные риски. В-третьих, гонка ядерных вооружений продолжается даже тогда, когда рациональные основания для нее исчерпываются. В-четвертых, ядерное оружие меняет смысл союзнических отношений между государствами. Эта «дилемма безопасности» ограничивает использование ядерного оружия как инструмента внешней политики государства.

Очень актуальным является тезис о том, что безрезультатными являются попытки выработать стратегию ограниченной ядерной войны, поскольку применение ядерного оружия несет слишком большие и неопределенные риски. Современный исследователь отмечает, что специфика интенсивной глобализации, сложность управления эскалацией, риски неполноты/недостовренности информации и преднамеренной дезинформации, стирание границы между ограниченным и массированным ядерными ударами, наличие третьих сторон ... препятствуют ядерной войне (ограниченной или полномасштабной) еще до ее инициации. Данные риски являются мощным фактором, препятствующим ядерной войне [Стригунов, 2022].

СССР в межвоенный период отказался от опыта Российской империи, более не выступая инициатором мирного процесса и избегая брать на себя ответственность организатора. В СССР на этом этапе диалог о разоружении воспринимался двояко: во-первых, как средство затянуть процесс, получив «передышку»; во-вторых, как средство неформальной дипломатии и построения привлекательного имиджа.

Таким образом, можно сказать, что концепции политического либерализма, поддерживаемые наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым, сменились сугубо

утилитарным отношением к мирному процессу таких советских дипломатов, как А.Я. Вышинский и И.М. Майский.

Развитие и кризис концепции ядерного сдерживания

После войны в отношениях СССР с противоборствующими державами начинается период преобладания политического реализма, который пришел к формированию концепции «гарантированного взаимного уничтожения». Как указывали реалисты, обеспечить эффект «гарантированного взаимного уничтожения» можно двояким путем – либо путем наращивания арсеналов для сохранения паритета, либо строго взаимным сокращением на базе равнозначных уступок. Разнясь в абсолютных цифрах ядерной нагрузки, статистически эти подходы сближались. Администрация президента США Дж. Картера выбрала менее затратный и рискованный второй вариант, что привело к началу процесса разоружения и поэтапному сокращению вооружений, осуществляемому США и СССР, а позже Россией.

В начале XXI века стратегии взаимного ядерного сдерживания продолжали определять логику взаимодействия держав. Ряд исследователей указывает на неадекватность подобных стратегий современному мировому политическому процессу, отмечая, что их сохранение оказывает обратный эффект на российско-американские отношения, поддерживая взаимное недоверие и делая взаимодействие более конфликтным [Арбатов, Дворкин, 2006]. Противники ядерного сдерживания считают, что окончание противостояния сверхдержав снизило психологическое предубеждение против разработки возможных стратегий использования ядерного оружия в реальных конфликтах. США ориентировались на силовые методы в обеспечении ядерного нераспространения, при этом жесткая позиция в отношении Северной Кореи не привела последнюю к отказу от ядерного вооружения, а вторжение в Ирак под лозунгами обеспечения нераспространения ядерного оружия создало трудноразрешимый кризис в регионе при том, что подготовка режима С. Хуссейна к созданию ядерного оружия так и не была доказана. Таким образом, конец «холодной войны» не означал отказа от планирования военных операций с применением ядерного оружия, что повысило риски для всех участников взаимодействия.

Немаловажным фактором противники ядерного сдерживания считают и то, что поддержание ядерного потенциала, даже в сокращенном объеме, нерационально. Затраты на обеспечение всего цикла систем ядерного оружия – от производства до утилизации – тяжелым бременем ложатся на государственные бюджеты, тогда как эти средства могли бы использоваться для разработки систем противодействия новым угрозам безопасности. Противники ядерного сдерживания подчеркивают, что эта стратегия не способна помочь в преодолении таких угроз, как международный терроризм, трансграничная преступность или повышение конфликтности на почве этно-религиозных противоречий. Задуманная как ответ на масштабную угрозу, исходящую от государства, или блока государств, стратегия ядерного сдерживания при снижении вероятности глобального конфликта работает только на то, чтобы подталкивать неядерные державы к разработке ядерного оружия [Арбатов, Дворкин, 2011]. Подобных позиций придерживаются Канберрская международная общественная комиссия и Комиссия по ядерному нераспространению и разоружению, которая в 2009 в своем докладе отмечала, что «Пока хотя бы одно государство обладает ядерным оружием, другие государства тоже захотят его обрести. Пока остается хотя бы одна единица ядерного оружия, его

преднамеренное боевое, случайное или террористическое применение будет вероятным. Любое такое применение станет катастрофой для современной цивилизации» [Eliminating Nuclear Threats, www].

В этих условиях ядерные державы поставлены перед необходимостью выработки новых подходов к совместным действиям в борьбе за нераспространение оружия массового уничтожения, ракетных технологий и обеспечение безопасности ядерных материалов. Но, продолжая использовать стратегию ядерного сдерживания друг против друга, они оказываются в условиях ограниченного переговорного пространства. И те инициативы, которые могли бы объединять усилия бывших противников, не приводят к созданию более надежных совместных систем безопасности, поддерживая недоверие и напряженность между ними, хотя документ «Об основах стратегических взаимоотношений между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией» и был принят в 2002 г. [Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша..., 2002].

Политика «перезагрузки», реализованная между администрациями Д.А. Медведева и Б. Обамы, позволила решить лишь минимальную задачу восстановления системы контроля над вооружениями, которая оказалась актуальной в связи с прекращением действия договора СНВ-I. При этом для обеих сторон актуализировалась задача обновления стратегических ядерных вооружений в условиях изменения материально-технической основы ядерного сдерживания. Политика «перезагрузки», которая формировалась при активном влиянии на администрацию президента США со стороны либералов и реалистов, отличалась от политической линии периода президентства Дж. Буша-младшего большим прагматизмом. Если администрация Буша придерживалась достаточно жесткой линии в таких областях, как расширение НАТО, увеличение американского влияния на постсоветском пространстве, развертывание новой системы ПРО, реакция на действия России в период грузино-югоосетинского конфликта и, в целом, характеризовалась опорой на силовые методы, то первая администрация Б. Обамы стремилась достигать своих целей с помощью методов «мягкой силы». Будучи менее жесткой и идеологизированной, она все так же была направлена на укрепление гегемонистских позиций США [Братерский, 2013].

Заключение

В настоящее время США не заинтересованы в разоружении, так как стремятся к созданию такой системы международной безопасности, которая обеспечила бы поддержание их глобального лидерства в мировом политическом процессе. США стремятся к ограничению прямого военного вмешательства в конфликты, о чем свидетельствует вывод войск из Ирака, отказ от крупномасштабных действий в Ливии и Сирии, вывод войск из Афганистана. В то же время США заинтересованы в нейтрализации растущей экономической и военной мощи КНР, включенной в число потенциальных противников, что может спровоцировать новую холодную войну и новую гонку вооружений.

Российская Федерация внесла официальные изменения в Основы государственной политики в сфере ядерного сдерживания 19 ноября 2024 г. [Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991, www], которые конкретизируют, кто может рассматриваться в качестве потенциального противника и при каких условиях против него будет использовано ядерное оружие. Доктрина указывает, что агрессия против России и/или ее

союзников со стороны неядерного государства, осуществляемая при поддержке ядерного государства, рассматривается как их совместное нападение. В доктрине подчеркивается, что применение ядерного оружия является крайней и вынужденной мерой, а само его наличие необходимо именно для сдерживания агрессии в отношении России и ее союзников. Корректировка российской ядерной доктрины осуществлена в свете «новых вызовов» и угроз и отражает текущую военную обстановку.

Библиография

1. Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. М.: РОССПЭН, 2011. 511 с.
2. Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Ядерное оружие после «холодной войны». М.: РОССПЭН, 2006. 103 с.
3. Братерский А. Внешнеполитическая доктрина Обамы. Постсоветский трек // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 2 (33).
4. Заявление председателя советской делегации М.М. Литвинова на первом заседании IV сессии Подготовительной комиссии Конференции по разоружению в Женеве, 30 ноября 1927 г. URL: <http://www.sovunion.info/docs/index.shtml?31>.
5. Ленин В.И. О войне, армии и военной науке. Т. 1 – 1916 г. – февраль 1917 г. М., 1957.
6. Луначарский А.В. Большой русский день // Правда». 1927. № 288. 16 декабря. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-mezhdunarodnoj-politike/bolshoj-russkij-den>.
7. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания: указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410653348/>
8. Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки // РИА Новости. 2002. URL: <http://ria.ru/politics/20020524/153893.html#ixzz3p7gpdYeV>.
9. Стригунов К.С. Стратегические риски, препятствующие ядерной войне между Китаем и США // Мировая политика. 2022. № 4. С. 58-87.
10. Carr E.H. The Twenty Years Crisis: 1919–1939. An introduction to the Study of International Relations. URL: <http://grachev62.narod.ru/tmo/chapt02.html#p1>.
11. Eliminating Nuclear Threats. A Practical Agenda for Global Policymakers. Report of the International Commission on Nuclear Non-proliferation and Disarmament. 2009 Gareth Evans and Yoriko Kawaguchi co-chairs. URL: http://www.ycsg.yale.edu/assets/downloads/ICNND_Report-EliminatingNuclearThreats.pdf.
12. Heckscher A (ed.) The Politics of Woodrow Wilson: Selections from his Speeches and Writings, 1956.
13. Kant I. Zum ewigen Frieden: Ein philosophischer Entwurf. Stuttgart: Reclam, 2008. 85 p.
14. Morgentau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. N.Y., 1961.
15. Nobel J.W. Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War // Review of International Studies. 1995. No. 21(1). P. 61-86.
16. President Woodrow Wilson's 14 points. URL: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?doc=62>.

The evolution of approaches to nuclear deterrence in the global political process

Aleksandr S. Dorokhin

Postgraduate Student,
Voronezh branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
394005, 143 Moskovskii ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kafppu@vm.ranepa.ru

Aleksandr A. Slin'ko

Doctor of Political Science, Professor,
 Head of the Department of Political Science and Political Management,
 Voronezh branch of the Russian Presidential
 Academy of National Economy and Public Administration,
 394005, 143 Moskovskii ave., Voronezh, Russian Federation;
 e-mail: kafppu@vm.ranepa.ru

Abstract

The article discusses approaches to arms limitation and nuclear deterrence in the global political process in the XX – early XXI centuries. The author analyzes the role of classical liberalism and Marxism in the arms limitation and the introduction of rules of warfare. The author also deals with the crisis of classical liberalism and the flourishing of the realistic paradigm, applicable to the problem of nuclear deterrence. The author concludes that at the beginning of the XXI century, neo-Marxist approaches to the problem of nuclear deterrence turned out to be the most in demand in Russia, and post-Marxist approaches in the United States.

For citation

Dorokhin A.S., Slin'ko A.A. (2024) Evolyutsiya podkhodov k yadernomu sderzhivaniyu v mirovom politicheskom protsesse [The evolution of approaches to nuclear deterrence in the global political process]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (12A), pp. 103-110.

Keywords

Global political process, nuclear deterrence, arms limitation, classical liberalism, realism, Marxism.

References

1. Arbatov A., Dvorkin V. (eds.) (2011) *Nuclear reset: arms reduction and non-proliferation*. Moscow: ROSSPEN Publ.
2. Arbatov A., Dvorkin V. (eds.) (2006) *Nuclear weapons after the "cold war"*. Moscow: ROSSPEN Publ.
3. Bratersky A. (2013) Obama's foreign policy doctrine. Post-Soviet track. *International processes*, 11, 2 (33).
4. Carr E.H. *The Twenty Years Crisis: 1919–1939. An introduction to the Study of International Relations*. Available at: <http://grachev62.narod.ru/tmo/chapt02.html#p1>.
5. *Eliminating Nuclear Threats. A Practical Agenda for Global Policymakers. Report of the International Commission on Nuclear Non-proliferation and Disarmament*. 2009 Gareth Evans and Yoriko Kawaguchi co-chairs. Available at: http://www.ycsg.yale.edu/assets/downloads/ICNND_Report-EliminatingNuclearThreats.pdf.
6. Heckscher A (ed.) (1956) *The Politics of Woodrow Wilson: Selections from his Speeches and Writings*.
7. Joint Declaration of President V.V. Putin and President George Bush on the new strategic relations between the Russian Federation and the United States of America (2002). *RIA Novosti*.. Available at: <http://ria.ru/politics/20020524/153893.html#ixzz3p7gpdYeV>.
8. Kant I. (2008) *Zum ewigen Frieden: Ein philosophischer Entwurf*. Stuttgart: Reclam.
9. Lenin V.I. (1957) On War, Army, and Military Science. Vol. 1 – 1916 – February 1917. Moscow.
10. Lunacharsky A.V. (1927) The Great Russian Day. *Pravda*, 288. December 16. Available at: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-mezhdunarodnoj-politike/bolshoj-russkij-den>.
11. Morgentau H.J. (1961) *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. Third Edition. N.Y.
12. Nobel J.W. (1995) Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War // *Review of International Studies*, 21(1), pp. 61-86.
13. *On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Nuclear Deterrence: Decree of the President of the Russian Federation of November 19, 2024 No. 991*. Available at:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410653348/>

14. *President Woodrow Wilson's 14 points*. Available at: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?doc=62>.
15. *Statement by the chairman of the Soviet delegation M.M. Litvinov at the first meeting of the IV session of the Preparatory Commission of the Conference on Disarmament in Geneva, November 30, 1927*. Available at: <http://www.sovunion.info/docs/index.shtml?31>.
16. Strigunov K.S. (2022) Strategic risks preventing a nuclear war between China and the United States. *World Politics*, 4, pp. 58-87.